

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ СОГЛАШЕНИЙ В УСТАНОВЛЕНИИ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ В ИНВЕСТИЦИОННО-ПРАВОВОЙ ИСТОРИИ (Историко-правовой аспект)

© 2010 г. Наталья Владимировна Курысь¹

Краткая аннотация: в статье в историко-правовом аспекте исследуется роль международных двусторонних соглашений в определении правового положения иностранных субъектов права, регулировании их деятельности, а также в привлечении иностранных инвестиций в до- и послереволюционной России, прослеживается закономерность и преемственность этого процесса в современных инвестиционных отношениях.

Annotation: in this article there is the role of an international bilateral agreements in determination of legal status of foreign legal person, regulation of theirs activity, and foreign investment process in pre- and after-revolutionary Russian history research. Regularity and succession of it in modern investment connection is traced.

Ключевые слова: международные двусторонние договоры, национальный режим, конвенция, принцип взаимности, иностранные инвестиции, право- дееспособность, судебная защита, закономерность, преемственность.

Key words: international bilateral agreements, national treatment, convention, reciprocity principle, foreign investments, passive and active capacity, legal defence, regularity, succession.

В настоящее время международные договоры РФ есть часть правовой системы страны и важный источник правового регулирования. Как отмечают современные авторы, международный договор приобретает особое значение в регулировании международных экономических отношений, в том числе отношений, связанных с принятием и использованием иностранных инвестиций². Активное участие России в международных договорах и международных организациях, содействующих развитию частного инвестирования в стране, – непереносимое условие для формирования благоприятного национального инвестиционного климата и “соучастия” во всем глобальном инвестиционном процессе в целом.

Третий этап привлечения иностранных инвестиций, который наша страна переживает в настоящее время³, начался в конце 80-х годов XX столетия. И в основе участия СССР в международном

экономическом сотрудничестве лежала практика заключения двусторонних международных соглашений о взаимном поощрении и защите инвестиций⁴, количество которых в 80–90-е годы в мире значительно возросло⁵. Однако общепринятые сегодня двусторонние договоры как инструмент гарантий защиты иностранных инвестиций имеют длительную историю. Им предшествовали более общие торгово-политические межгосударственные соглашения, которые, начиная с конца XVIII в., заключали США, Япония и западные страны. Более известны такие соглашения в качестве договоров о дружбе, коммерции и мореплавании, содержащие положения о предоставлении национального режима иностранным компаниям, включая защиту от национализации⁶. Регулировали такие соглашения в основном отношения в сфере торговли, мореплавания и консульств, а инвестиционным вопросам уделялось не так много внимания. Впрочем, содержательное корреспондирование данных договоров с современными

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент (E-mail: tatka_@mail.ru; моб. тел.: 8-926-556-24-51).

² См.: Вознесенская Н.Н. Иностранные инвестиции: Россия и мировой опыт (Сравнительно-правовой комментарий). М., 2001. С. 43.

³ См.: Богуславский М. Роль законодательства в создании инвестиционного климата в стране // Внешняя торговля. 1992. № 1. С. 19.

⁴ См.: Доронина Н.Г., Семилотина Н.Г. Государство и регулирование инвестиций. М., 2003. С. 82.

⁵ См.: Костюнина Г.М., Ливенцев Н.Н. Международная практика регулирования иностранных инвестиций. Учебное пособие. М., 2001. С. 103.

⁶ См.: Гашимов А.С. Регулирование инвестиционной деятельности на национальном уровне и в рамках двусторонних договоров / Под ред. В.Б. Буглая. М., 2001. С. 15.

двусторонними международными соглашениями о взаимном поощрении и защите инвестиций вполне закономерно, ибо, как отмечал дореволюционный исследователь иностранных капиталов в России В.С. Зив, “товарный обмен часто являлся формой или следствием обмена капиталами. И наоборот – на почве товарного обмена может легко возникнуть обмен капиталами”⁷.

Развитие иностранного предпринимательства и капиталовложений в нашем государстве имеет свою историю, определенную роль в которой сыграли и различные виды двусторонних международных соглашений, в основе которых, как правило, лежал принцип взаимности.

Итак, после реформы 1861 г. взаимоотношения предпринимателей регламентировались Уставом торговым, который представлял собой переизданный без изменений, но переименованный Свод учреждений и уставов торговых 1832 г. Незначительные изменения в законодательстве не отвечали интенсивно развивающимся рыночным отношениям, поэтому Устав был предварен статьей, в которой указывалось, что “в случае недостатка этих законов применяются законы гражданские и принятые в торговле обычаи”⁸. Но обращение к таким гражданским законам на практике помогало мало⁹. В связи с бурным развитием промышленного производства требовались новые законодательные акты, реально отменявшие ограничения, запреты и дискриминацию, отрицательно влиявшие на экономическое развитие. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов¹⁰ от 1 января 1863 г. должно было изменить ситуацию и устранить препятствия для развития торговли и промышленности.

Прежний принцип, согласно которому “торговля и промышленность есть право одних лишь русских подданных купеческого состояния”¹¹, уступает место новому принципу: право заниматься торговлей и промышленностью в России есть право всякого человека, будь то русский подданный или иностранец. Статья 21 Положения говорит, что купеческие и промысловые свидетельства

“могут быть выдаваемы лицам обоего пола, русским подданным всех сословий и иностранцам”.

Однако это правило не было проведено последовательно в законодательстве, чему мешала, в свою очередь, и невыдержанность принципа бессословности занятием торговлей и промышленным производством. Наряду с мелочной и разносной торговлей мещанские промыслы были разрешены как русским, так и иностранным подданным (ст. 12 Положения о пошлинах за право торговли и других промыслов от 9 февраля 1865 г., являющегося исправленным и дополненным изданием одноименного Положения 1863 г.¹²). Необходимо отметить, что еще в начале XIX в., в 1818 г., иностранным ремесленникам было разрешено заниматься “ремеслами в столицах” с выплатами податей¹³, а позже, в 1825 г., – во всех городах Российской империи с податю в казну по 20 руб. ежегодно¹⁴. Но устройством фабрик и заводов, а также оптовой и розничной торговлей могли заниматься все лица купеческого сословия. Это указывало на то, что если до Закона от 9 февраля 1865 г. иностранные подданные в случае устройства в России фабрик и заводов обязаны были в течение первых десяти лет записываться во вторую и третью гильдии без вступления в русское подданство, а по окончании этого срока вступить в подданство или продать заведения, то теперь иностранные предприниматели и купцы уравнивались в правах и обязанностях с русскими подданными, **т.е. им предоставлялся национальный режим для осуществления данных видов деятельности**. Исключение составляло лишь право на каботажное судоходство, которое оставалось привилегией русских граждан.

Забегая вперед, необходимо отметить, что в развитии международно-правового регулирования деятельности иностранных предпринимателей и компаний, а позднее – иностранных инвестиций главенствующим является принцип предоставления национального режима при сохранении за государством суверенного права решать вопросы допуска иностранных инвестиций¹⁵. Как отмечает А.С. Гашимов, и латиноамериканские страны исходили из положения, что государства обязаны соблюдать по отношению к иностранной собственности и национальным компаниям одинаковые правила. Если иностранная компания подвер-

⁷ Зив В.С. Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях. Вып.1. Германские капиталы. Пг., 1915. С. 1.

⁸ Законы о частной фабрично-заводской промышленности (Извлечения из Устава о промышленности изд. 1893 г.). СПб., 1913. С. 481.

⁹ См.: *Финогентова О.Е.* Законодательное регулирование рыночных отношений в России в 1861–1914 гг. Дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 1997. С. 38.

¹⁰ См.: Полное собрание законов II. Т. XXXVIII. Ст. 39 118.

¹¹ *Вольте Г.* Право торговли и промышленности в России в историческом развитии. СПб., 1905. С. 10.

¹² См.: Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов. СПб., 1865.

¹³ См.: Полное собрание законов II. Т. XXXV. Ст. 27 467.

¹⁴ См.: Полное собрание законов II. Т. XL. Ст. 30 513.

¹⁵ См. подробнее: *Доронина Н.Г., Семилотина Н.Г.* Указ. соч. С. 83, 84.

гается тем же дискриминационным действиям, что и национальные компании, то эти действия не нарушают международного законодательства. Следовательно, иностранные компании не вправе рассчитывать на преференциальное отношение, а претензии иностранных компаний к государству должны рассматриваться в национальных судах, но не в рамках международных соглашений. Такая позиция нашла отражение в конституциях латиноамериканских государств и в двусторонних соглашениях¹⁶.

Однако, возвращаясь к рассматриваемому пореформенному периоду, необходимо отметить, что для обладания правом занятия фабрично-заводской промышленностью или оптовой торговли необходимо было причислиться в купеческое сословие путем приобретения купеческого гильдейского свидетельства, которое кроме вышеперечисленных прав предоставляло купеческое звание и связанные с ним личные преимущества. Таким образом, сословный порядок в отношении фабрично-заводской промышленности и оптовой торговли сохранился, что препятствовало экономическому развитию страны и широкомасштабному притоку иностранных капиталов.

И только 3 июня 1898 г. Положение о государственном промысловом налоге¹⁷ окончательно отвергло сословное начало в деле торговли и промышленности. “Право производства всех видов торговли и промышленности обуславливается выборкою промысловых свидетельств, которые сами по себе никаких сословных преимуществ не предоставляют”¹⁸. Таким образом, право на занятие торговлей и промышленностью лишь в самом конце XIX в. не стало завистью от права приписки к купеческому сословию.

Иностранные капиталы, как таковые, в рассматриваемых законодательных актах опять никак не выделялись и попадали под юрисдикцию страны их приложения. Законы акцентировали внимание лишь на их владельцев. Но веяния времени и пореформенные изменения требовали заострения внимания правительства на этом вопросе. Возникновение его в поле зрения чиновников было связано с реформированием акционерного законодательства в начале 60-х годов XIX столетия. Тогда в связи с заключением специальных конвенций с Францией, Бельгией, Италией и Австрией о правовом положении в России учрежденных за рубежом компаний в очередной законопроект

об акционерных обществах был добавлен пункт о том, что иностранные акционерные компании “пользуются... в России всеми их правами, сообщаясь с законами Империи”¹⁹.

Необходимо отметить, что наши законы об иностранных акционерных обществах были созданы под прямым влиянием французского права. Необходимость законодательного регулирования развивающейся акционерной формы предпринимательства возникла во Франции и Бельгии (с середины XIX столетия). Именно французский Закон от 30 мая 1857 г. избрал принцип признания акционерных иностранных обществ по отдельным государствам, причем условием такого признания ставился принцип взаимности, т.е. предварительное или одновременное признание иностранным государством французских акционерных обществ²⁰. Посредством специального императорского декрета (ч. 2 Закона) признавались акционерные общества почти всех остальных европейских стран. Тот же принцип признания акционерных обществ по отдельным государствам под прямым воздействием французского права был принят и русским правительством. На его основании были заключены конвенции с ведущими европейскими державами (см. ниже).

Вопрос о деятельности в России иностранных компаний (согласно толкованию, принятому в рассматриваемое время, – компаний, учрежденных в других странах в соответствии с их законодательством, а в современном понимании – предприятий, полностью принадлежащих иностранным инвесторам, их дочерних предприятий и филиалов иностранных юридических лиц) впервые возник в 1863 г. при обсуждении в Государственном совете проекта образования Англо-Русского банка. Предполагалось, что акционерная компания для организации этого банка будет основана в Англии. Сам же банк должен был действовать в России. В этой связи Государственный совет усмотрел две проблемы, требующие решения.

Первая из них заключалась в установлении самого порядка возникновения и деятельности в России иностранных компаний. Поскольку такие компании учреждались по законам других государств, постольку не исключалась возможность, что они дадут “повод” этим государствам “к каким-либо политическим... притязаниям” к стране, где действуют эти компании, “под видом

¹⁶ См.: Гашимов А.С. Указ. соч. С. 16.

¹⁷ См.: Собрание узаконений. 1898. № 76. Ст. 964.

¹⁸ Вольтке Г. Указ. соч. С. 15.

¹⁹ Шенелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 102.

²⁰ См.: Якуб Л.М. Процессуальная правоспособность иностранных акционерных обществ // Вестник права. 1914. № 42. С. 1236.

заступничества за интересы своих подданных”²¹. Однако было признано, что подобные притязания могут быть направлены “сильною державою к слабой”, что не отражало взаимного положения Англии и России. Следующее опасение – о возможности Англии с образованием Англо-Русского банка влиять на хозяйственные дела и общественное мнение России – было отвергнуто как не имеющее основания. В политическом отношении образование Англо-Русского банка не вызывало возражений. Вместе с тем, было признано, что иностранные компании могли действовать в России лишь с особого разрешения правительства.

Вторая проблема, подвергшаяся рассмотрению, – это выяснение экономического значения для России иностранных капиталов в целом. Во многих инстанциях были признаны желательными скорейшее образование банка, а также исключительная польза для России иностранных капиталов. Но были и разногласия, которые положили начало дискуссии на многие десятилетия о пользе и вреде иностранных инвестиций для экономического развития страны. Тем не менее, Государственный совет одобрил организацию Англо-Русского банка, хотя банк так и не был создан вследствие отказа от этой идеи самих учредителей. Вместе с тем, были одобрены общие принципы правительственной политики по отношению к иностранным капиталам вообще и к иностранным компаниям в частности.

Фактически только в 80-х годах XIX в. в России начала регулироваться деятельность иностранных акционерных компаний. При этом иностранные предприниматели, помещая свои капиталы в России, создавали обычно акционерные компании. А последние являлись той формой промышленной организации, в которой “индивидуальность” не играет столь существенной роли, как в единоличных предприятиях. И уже внешняя форма организации иностранного капитала в нашей стране сама по себе в дальнейшем содействовала образованию синдикатов в России²², которые наряду с трестами являлись основным видом объединения в различные организации наиболее значимых отраслей промышленности в начале XX в.²³ Появление иностранных акционерных компаний в большинстве своем относится к 60-м годам XIX в. Их права в то время ничем не определялись.

В 1863 г. была подписана первая Конвенция о правовом положении в России учрежденных во

Франции компаний, причем её текст почти дословно повторял аналогичный Закон, принятый во Франции в 1857 г. Затем такие же конвенции (все на началах взаимности) были заключены с Бельгией и Германией (1865 г.), Италией (1866 г.), Австрией (1867 г.), Англией (ранее 1874 г.), Грецией (1887 г.)²⁴, а позднее – со Швейцарией (1903 г.), Северо-Американскими Соединенными Штатами (1904 г.), Соединенным королевством Великобритании и Ирландии (1904 г.)²⁵ и некоторыми другими странами. В 1878 г. значение первых конвенций было разъяснено Министерством иностранных дел. В разъяснении указывалось, что за иностранными обществами в России признавалась лишь их правоспособность в качестве юридических лиц. Что же касается их дееспособности, то для производства операций в России они должны были испросить и получить Высочайшее разрешение. Такое разрешение давалось в форме утверждения так называемых “условий деятельности” данного общества в России с опубликованием этих условий в Собрании узаконений и распоряжений правительства. Последнее было вправе отказать в таком разрешении, выдвинуть требование изменить статус компании в части, относящейся к операциям в России, и определить условия её деятельности в стране. Таким образом, к иностранным компаниям в России применялся разрешительный порядок деятельности. Но он не был полностью претворен в жизнь, и вплоть до 1887 г. множество иностранных компаний действовали в России без всякого разрешения. Тем не менее, именно с этого времени, а не с 20-х годов XX столетия, как указывала Н.Г. Семилютина²⁶, разрешительный порядок становится определяющим в деятельности иностранных предприятий на территории России. Уже в начальный период разрешительный (или, иначе, концессионный)²⁷ порядок создания и деятельности конкретных предприятий отвечал всем условиям: наличие нормативного акта, устанавливающего орган, уполномоченный на выдачу требуемого разрешения, основания, на которых такие разрешения выдавались, и контроль за тем, чтобы хозяйственная деятельность организации не выходила за рамки разрешенной.

²⁴ См.: *Шепелев Л.Е.* Указ. соч. С. 125.

²⁵ См.: *Максимов В.* Законы о товариществах. Акционерные общества, товарищества на паях, торговые дома, артели и др. Порядок их учреждения и деятельности. М., 1911. С. 508.

²⁶ См.: *Семилютина Н.Г.* Правовое положение совместных предприятий с участием советских организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран в СССР. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1990. С. 16–20.

²⁷ См.: там же. С. 19.

²¹ *Шепелев Л.Е.* Указ. соч. С. 103.

²² См.: *Гольдштейн И.М.* Экономическая политика. М., 1913. С. 229.

²³ См.: *Цыперович Г.* Синдикаты и тресты. Пг., 1916. С. 15.

Между тем главный вопрос при рассмотрении положения иностранных компаний заключался, по мнению юриста В. Максимова, именно в установлении того, при каких условиях они могут пользоваться правом производства в другой стране своей торговли и судебной защитой: должна ли их дееспособность обсуждаться по законам их возникновения или по законам места заключаемых сделок²⁸. Решение этого вопроса ставилось в зависимость от того, рассматривалось ли акционерное соединение в качестве договорного отношения или в качестве юридического лица. В первом случае международное право признавало, что форма сделки должна соотноситься с местом её заключения, поэтому акционерное общество, «составленное» согласно требованиям национального права, должно иметь силу и в других государствах. Но договорный характер, как отмечал В. Максимов, отступал перед личным значением акционерного общества как корпорации. **Поскольку в то время международное право твердо не определилось в вопросе правового положения иностранных юридических лиц, то дееспособность их чаще всего определялась на основании договоров по этому предмету между государствами.**

Дискуссия на тему, является ли субъектом права юридическое лицо, учрежденное в другом государстве, и обладает ли оно процессуальной правоспособностью вне зависимости от заключения конвенций, продолжилась во время Первой мировой войны. Будет целесообразным привести основные точки зрения на данную проблему, так как они касались особенностей правового положения иностранных подданных и юридических лиц в мирное время. Так, многие авторы не без основания полагали, что, если в условия деятельности конкретного общества входила обязанность этого общества по всем спорам, возникшим в связи с его деятельностью в России, «судиться в русских судебных установлениях», следовательно, независимо от Конвенции о взаимном признании акционерных обществ всякое иностранное общество, получившее разрешение производить операции в России, пользуется правом судебной защиты.²⁹ В правоприменительной практике известны случаи, когда акционерные общества, принадлежащие государствам, с которыми Россия не заключала конвенции и которые не имели

разрешения на ведение деятельности в России, выступали в российских судах в качестве ответчиков (по сделкам, заключенным в России и для России). Это было связано с тем, что иск должен был предъявляться в России, как это было допущено разъяснениями Сената (таким обществам можно предъявлять иск «по месту постоянных занятий общества, обзаведения или недвижимого имущества его по месту совершения или исполнения сделки или обязательства, либо по месту нахождения спорного имущества»)³⁰. Возникали закономерные вопросы: может ли такой ответчик предъявить встречный иск и вправе ли суд считаться с таким лицом как с ответчиком, если оно лишено «судебной правоспособности»? Такие вопросы, как правило, решались положительно, и эти решения ни сомнений, ни протестов не вызывали. Наконец, теория разрешения и признаний потерпела в практике Сената почти полное крушение, когда в качестве истца в российском суде выступило иностранное государство – Греция. Здесь, конечно, не могло быть и речи о «дозволении». Сенат высказал и своё мнение: «Если действующий закон не воспрещает иностранным государствам как юридическим лицам приобретать имущество в России, вступать на русской территории в частноправовые сделки, то, очевидно, они не могут быть лишены и права судебной защиты в русских судебных учреждениях»³¹. Тем не менее **сенатская практика в исследуемый период отрицала право судебной защиты по отношению к государствам, с которыми не заключены конвенции о признании юридических лиц.** В то же время суды продолжали придерживаться точки зрения судебной свободы, а иностранные юридические лица по-прежнему допускались в качестве истцов и ответчиков невзирая на многочисленные решения Сената, отрицавшие это право³². Эту же точку зрения отстаивали юристы-теоретики, основывавшие свои рассуждения на изначальном определении правоспособности, данном еще Победоносцевым и Шершеневичем³³. Таким образом, возник юридический казус, который не нашел своего разрешения в России вплоть до революции 1917 г. При этом в правоприменительной практике некоторых зарубежных стран эта проблема была решена намного раньше. Например, 18 мая 1873 г. в Бельгии был издан Закон,

²⁸ См.: Максимов В. Указ. соч.

²⁹ См. например: Якуб Л.М. Указ. соч. С. 1238; Гойхбарг А.Г. Являются ли иностранцы субъектами права по общим законам или только в силу конвенций? // Вестник права. 1914. № 37. С. 1088–1092 и др.

³⁰ Белякин С.А. Война и правосудие // Вестник права. 1914. № 43. С. 1262.

³¹ Там же. С. 1263.

³² См.: там же. С. 1264.

³³ См. подробнее: Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Т. III. СПб., 1880. С. 34; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. СПб., 1907. С. 86.

согласно которому все иностранные общества и юридические лица могут свободно производить операции и действовать в суде Бельгии. Ввиду этого отпала всякая необходимость в международной регламентации³⁴. Но заслуга русских судов и юристов заключалась в том, что была найдена верная линия рассуждений: **конвенции, упоминаящие о взаимном праве судебной защиты, не устанавливают впервые новый порядок, а только подтверждают существующий**³⁵.

Свои сторонники и противники были и у административной опеки в виде разрешительного разрешения, необходимого для функционирования иностранных акционерных компаний в России. Кстати, в Европе к 1914 г. административная санкция уже нигде не требовалась, так как печальный опыт показал не только её бесполезность, но и вред³⁶. Как видно, в тех странах, где требуется правительственное утверждение, обычно отрицалась дееспособность иностранных компаний, возникающих без него. В подтверждение этой позиции указывалось на то обстоятельство, что собственные подданные при отсутствии указанной правительственной опеки ставились в худшее положение, нежели иностранцы, что административное разрешение устанавливалось ввиду охраны общественного интереса, который не мог страдать от того или иного взгляда иностранного законодательства, что акционерные общества других стран могли пользоваться свободой торговли и судебной защиты только при условии заключения между государствами особых по этому поводу договоров. Сторонники иной позиции приводили в доказательство ущемленное положение собственных подданных, выраженное в отсутствии у них права преследовать в судебном порядке иностранные общества, заключившие с ними сделки, в невозможности признания акционерных компаний других государств ответчиками, в свою очередь, в невозможности этих компаний предъявить иск³⁷. По установленному официальному порядку акционерные компании стран (Франции, Бельгии, Италии, Австрии, Германии, Греции, Швейцарии, Северо-Американских Соединенных Штатов и Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии), которые имели соответствующие конвенции с Россией на основе взаимности и свои конторы, вступающие только в отдельные сделки с русскими

подданными, признавались российским законодательством и пользовались правом судебной защиты. Но признание ограничивалось только судебной дееспособностью и не давало права на промыслы (т.е. промышленную деятельность) без разрешения русского правительства. Внешние же действия этих товариществ, сделки, заключенные ими, должны были соответствовать положениям русского законодательства, в то время как внутренние отношения обществ (споры акционеров с самим обществом), хотя и были подведомственны русским судебным установлениям, должны были рассматриваться в соответствии с законами, действовавшими в месте их образования. В дальнейшем эти принципы постоянно находили отражение во всех комментариях и разъяснениях, в частности в последующих изданиях и переизданиях Закона "О товариществах по участкам, или компаниях на акциях", § 2, 3 разъяснений к ст. 2139³⁸.

Таким образом, дееспособность иностранных компаний наступала с момента выдачи разрешения российским правительством на производство операций в России, а **правом судебной защиты в нашей стране** согласно *официальной трактовке* **могли пользоваться законно учрежденные акционерные общества и товарищества только тех иностранных государств, с которыми от имени России были заключены особые конвенции по этому предмету, основанные на правиле взаимности, т.е. такой же принцип должен был применяться иностранными правительствами по отношению к акционерным обществам и товариществам, законно учрежденным в России. Особо отмечалось, что принцип взаимности служил руководящим началом для международных соглашений о правах, учреждаемых с надлежащего разрешения акционерных обществ и других ассоциаций.** Путем логических рассуждений можно сделать вывод о том, что *взаимоотношения между странами, возникающие, в частности, на основе притока иностранных капиталов, заключались не в подчинении, а в союзе.* Это, в свою очередь, опровергает положение, до недавнего времени господствовавшее в нашей исторической науке и культивируемое в настоящее время, согласно которому Россия становилась зависимой (в политико-экономическом аспекте) от иностранного капитала и обретала, по сути, неравное положение по отношению к странам-донорам.

Зависимость праводееспособности иностранных физических и юридических лиц от междуна-

³⁴ См.: Беляцкий С.А. Указ. соч. С. 1263.

³⁵ См.: Вестник права. 1914. № 34. С. 1017; № 37. С. 1092; № 42. С. 1235.

³⁶ Беляцкий С.А. Указ. соч. С. 1262.

³⁷ См.: Максимов В. Указ. соч. С. 509.

³⁸ См., например: Законы гражданские. Пг., 1915. С. 855, 856.

родных соглашений прослеживается уже и после революции 1917 г. Советское законодательство периода нэпа предоставляло гражданскую правоспособность всем гражданам, не ограниченную в правах по суду. В ст. 8 Вводного закона к ГК РСФСР указывалось, **что права граждан иностранных государств, с которыми РСФСР вступила в то или иное соглашение, регулировалось этими соглашениями**; отсутствие соглашений или непредусмотрение ими объема правоспособности иностранцев позволяло центральным органам правительства по соглашению с Народным комиссариатом иностранных дел эти права ограничивать³⁹. Однако в ходе проведенного исследования выяснилось, что никаких специальных постановлений, ограничивающих права иностранных граждан, правительством издано не было. Но, вместе с тем, для осуществления практически всех видов хозяйственной деятельности иностранным гражданам и юридическим лицам (Примечание 1 к ст. 8 Вводного закона к ГК РСФСР)⁴⁰ требовалось получение специальных разрешений на такую деятельность, т.е., для иностранных граждан существовал разрешительный порядок в отношении осуществления такой деятельности, в то время как советские граждане могли осуществлять её в явочном порядке. Например, горнопромысловая деятельность, согласно ст. 6 Горного положения СССР⁴¹ могла осуществляться иностранцами лишь с разрешения СНК СССР. Необходимо также отметить, что иностранные юридические лица, не имевшие разрешения на производство операций в РСФСР, **пользовались правом на судебную защиту** в РСФСР по претензиям, возникающим вне пределов РСФСР и относящимся к ответчикам, пребывающим в её пределах, **не иначе, как на началах взаимности** (Примечание 2 к ст. 8 Вводного закона к ГК РСФСР)⁴². Определявшие такие начала соглашения были заключены, например, в Риме 7 февраля 1924 г. с Италией (Договор о торговле и мореплавании между Союзом ССР и Италией) и в Стокгольме 15 марта 1924 г. со Швецией (Торговое соглашение между СССР и Швецией)⁴³. Таким образом, наблюдается ярко выраженная преемственность между русским дореволюцион-

ным правом и правом периода нэпа, в частности и на судебную защиту иностранных юридических и физических лиц. Но споров, которые были вызваны этими положениями в царской России, в силу ряда объективных причин в СССР, конечно, не было.

Таким образом, в отношении иностранных юридических и физических лиц, не имевших разрешения на производство операций в стране, и русское дореволюционное, и советское законодательство периода нэпа определяли принцип взаимности в зависимости от заключения соответствующих международных соглашений о судебной защите с иностранным государством, субъектом права которого являлось данное юридическое (физическое) лицо.

Как видно из проведенного исследования, в развитии международно-правового регулирования деятельности иностранных физических и юридических лиц, а позднее – иностранных инвестиций международные двусторонние договоры играли и играют значительную роль. Для начала – в определении правового положения иностранных субъектов права, осуществлявших деятельность в России в качестве договоров о взаимном признании, а теперь – в формировании инвестиционной политики государства, трансформировавшись в двусторонние договоры о поощрении и защите инвестиций. Между дореволюционным этапом развития международно-правового регулирования деятельности иностранных предпринимателей и компаний и периодом нэпа прослеживается относительная “повторяемость” основных положений и закономерностей формирования соответствующих норм с учетом трансформаций, продиктованных уровнем общественного и экономического развития. А принимая во внимание наличие в нынешнем правовом регулировании экономических отношений в качестве источника международных договоров РФ, логично предположить, что предыдущие этапы явились базой и стартовой позицией для третьего этапа – современных процессов в области правового регулирования иностранного инвестирования в России⁴⁴.

Раскрытие особенностей и закономерностей правового регулирования деятельности иностранных предпринимателей, компаний и иностранного инвестирования в экономику России в длительной исторической ретроспективе позволяет обнаружить линии преемственности в разви-

³⁹ См.: Бернштейн И.Н. Очерк концессионного права СССР. М.-Л., 1930. С. 15.

⁴⁰ См.: Гражданский кодекс с постатейно систематизированными материалами / Под ред. С.В. Александровского. М., 1928. С. 29.

⁴¹ Собрание законодательства СССР. 1927. № 68. Ст. 688.

⁴² См.: там же.

⁴³ Ландау Б., Бернштейн И., Машикевич В. Правовые условия концессионной деятельности в СССР. Систематизированные материалы с комментариями. М., 1930. С. 34, 35.

⁴⁴ См. об этом также: Асосков А.В. Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте. М., 2003. С. 47–53.

тии соответствующих норм права. Как следствие этого – глубокие исторические корни современных преобразовательных процессов в их противоборстве, конфликтах и трудностях, тем более что их ход и характер дают возможность говорить о третьем этапе привлечения иностранных инвестиций, который наша страна переживает в настоящее время. Определение исторических корней позволяет выйти на присущие конкретной отрасли законодательства тенденции и учитывать

их в будущем при осуществлении соответствующей политики для формулирования наиболее “совершенных” обязательных правил, соответствующих общему благу людей и регулирующих их отношения посредством установления прав и обязанностей, ибо последнее есть цель любой правовой системы⁴⁵.

⁴⁵ См.: *Нешатаева Т.Н.* Иностранные предприниматели в России. Судебно-арбитражная практика. М., 1998. С. 7.